

Василий Мороз — Орден свой на улице не ношу

Подробности

👁️ Просмотров: 277

Слава Ставрополя как одного из оазисов овцеводства, к сожалению, осталась в прошлом веке. Ныне стада по численности, как, впрочем, уже и по качеству, совсем не те, утверждают профессионалы. Причем есть большой риск потерять даже оставшиеся крупницы богатого советского наследия. Как бы скептически сейчас ни относились к прежним подходам и ни ругали их, во многих отраслях они все же позволили достичь уникальных результатов.

Хотя, быть может, дело совсем не в подходах, а в людях, которым посчастливилось вытянуть счастливый билет и с упоением посвятить жизнь любимому делу. Причем власть этому не только не мешала, но и активно способствовала. Как раз из числа таких Василий Мороз, ученый-селекционер с мировым именем, единственный в

нашей стране академик по овцеводству. В его биографии – создание пяти пород и четырех породных типов овец, многолетнее руководство Всесоюзным научно-исследовательским институтом овцеводства и козоводства, несколько сотен научных трудов, широкое признание зарубежных коллег...

И в свои семьдесят девять трудолюбивый Мороз продолжает активно вести научную деятельность и консультировать российские регионы. А также, оставаясь неравнодушным человеком, пытается повлиять на печальную ситуацию в отечественном овцеводстве. Хотя, скорее, лишь бьетесь головой о стены в комнате, где дверей почему-то вообще нет. Переписка со множеством ведомств безуспешно длится годы – чиновники разного ранга упорно игнорируют предупреждения Мороза, а его благие намерения порой воспринимаются лишь как желание помешать.

– Самым разрушающим чувством психологи называют обиду. Она в буквальном смысле может съесть человека изнутри, и далеко не каждому под силу бывает с этим справиться. Но ведь только подумать, как не обижаться и не роптать на судьбу, когда у тебя на глазах рушится дело всей жизни?! Василий Андреевич, как в конце концов не разочароваться в родине, когда уникальные знания и опыт вдруг ей становятся не особо нужны?

– На самом деле ведь не нас обижают, а мы обижаемся. Зачем подвергать себя этому? Знаете, это болезнь современных людей: чуть что не так – уже обида на всех и вся, рождаются совершенно без терпения. А я всегда вспоминаю своих бабушку с дедушкой, которых раскулачили и сослали за то, что просто заступились за соседа. На их долю выпали очень нелегкие испытания, но я никогда не слышал, чтобы они обижались или жаловались. Наоборот, они стремились изменить себя к лучшему, считая, что сами где-то нагрелись, раз жизнь так обходится с ними.

– Но вы же не будете отрицать, что глубоко переживаете из-за кризиса, который сейчас в стране переживает овцеводство?

– Да, я очень страдаю. По откровенной глупости и неосмотрительности власти загублена целая отрасль, которой некогда широко славились Ставрополье и еще почти треть регионов страны. И мне очень больно видеть, к чему это привело российское село – те территории, благополучие которых раньше держалось по большей части на овцеводстве. Это настоящая трагедия: нет овец – нет жизни там. Моя родная Киевка в Аланасенковском районе из некогда цветущего села превратилась в умирающее. Я хорошо помню, как радостно там встречали блага цивилизации в виде электрификации, например. Там было четыре(!) санатория, где могли отдохнуть колхозники. А сейчас люди бегут оттуда сломя голову, дома рушатся. И это не только в Киевке. То же самое в райцентре – Дивном, да и вообще на севере и востоке Ставрополья.

При этом край из года в год продолжает удивлять страну рекордами по валовому сбору зерна. Но вот вопрос – реально лучше ли от этого нашему селу? Аграрный сектор нашего региона изначально держался на двух крыльях: зерновом производстве и животноводстве. А когда осталось одно крыло, ни о каком взлете экономики не может быть и речи...

А вот пример еще одной откровенной глупости. Государство продолжает дотировать овцеводство, но дает деньги не на произведенный килограмм баранины или шерсти, а на голову. Пусть эта голова без мяса и шерсти – лишь бы числилась! Где логика?

Не вижу ее и в том, что наше государство перестало покупать производимую шерсть, даже свою армию переодев в синтетику. Хотя служивых одевали в шерсть со времени Петра Первого. И может быть, это была бы верная политика, если бы мы отказывались от натуральных качественных тканей в пользу каких-то новых и передовых научных решений. Но это ведь не так.

Посмотрим опять же на границу, на которую иной раз так хотим равняться. Многие страны до сих пор охотно покупают российскую шерсть, тем более, что продается она по дешевке. Ее берут индусы, закупается у нас Китай. Япония помешана на натуральных тканях. А в России сейчас хороший шерстяной свитер отечественного производства – большая редкость. В ходу импортная синтетика, кстати, вредная для здоровья.

– Василий Андреевич, а с трибун говорят о поступательном возрождении овцеводства... Может, все же есть шансы исправить положение?

– Может, я слепой, но не вижу этого возрождения. Это в период Великой Отечественной войны с передовой даже снимали войска для сопровождения отар овец, угоняемых в тыл. А сейчас цифры говорят сами за себя. Когда я работал в колхозе имени Ленина, в обороте хозяйства было 70 тысяч овец. Сейчас нет и десяти тысяч. В Ставропольском крае когда-то содержалось 6 миллионов овец, ныне в статистике мы увидим 2,4 миллиона. Но подумайте, из них только примерно 400 тысяч овец так или иначе находятся под контролем. Все остальное – пущено на самотек, и о качестве животных говорить вообще не приходится. В России же в лучшие времена насчитывалось 70 миллионов овец, сейчас в общественном секторе осталось лишь несколько миллионов. И к великому сожалению, начисто исчезло бонитерское дело.

Вы спрашиваете, есть ли свет в конце тоннеля. Если честно, мой ответ будет отрицательным, пока на высшем государственном уровне будут приниматься неграмотные и непродуманные решения. Это касается как закупок шерсти, так и подготовки специалистов для села.

Вот Ставропольский аграрный университет по праву является одним из ведущих в стране, и многие факультеты чуть ли не переполнены. Но на тех, где учат тому, как выращивать мясо, просто нет студентов. Отсутствует спрос на эту специальность. Преподавать мне некому.

- Почему?

- Работать на селе – это сейчас не престижно, это очень тяжело. От толковых, грамотных специалистов зависит в конечном счете благополучие всего хозяйства. Ведь на том же зоотехнике лежит организация всего процесса производства мяса и шерсти, то есть почти ювелирная работа. А вот платят за нее совсем неважно.

И опять же возвращаемся к тому, о чем я уже сказал. Село гибнет, молодежь, выбирая профессию, упорно пытается зацепиться в городе. Даже будучи ветеринаром, можно зарабатывать на лечении собак и кошек. А зоотехнику где прикнута?

- Печально. Но хотя бы племенной потенциал у нас сохранен? За границей к этому очень трепетно относятся и хорошо зарабатывают на продаже племенных животных.

- Наступаете мне на еще одну мозоль. Нет, сохранением никто не занимается. Уничтожены все ведущие чистопородные стада, поверьте мне на слово. И мы за бешеные деньги теперь покупаем «заморских» животных.

Лучшие в стране овцы оставались в Апанасенковском районе. Но нашлись в Москве чиновники высокого ранга, которые испортили и мою породу. Назвали ее другим именем – мясным меринсом. Я три десятка(!) лет потратил на создание манычского меринса. А тут каким-то людям потребовалось всего лишь семь. Хотя, поверьте, даже календарно это невозможно.

Что ж, пройдет время, власть будет звать таких же морозов из-за границы. И платить им за консультации бешеные деньги. Как это было после революции 1917 года, когда специалистов по животноводству выписывали из-за границы.

Я обо всем этом писал и руководству страны, и лидерам парламентских партий. И, признаюсь, наивно рассчитывал на то, что мне реально ответят, а не отделаются отписками. Но нет, натуральный «отпихнизм»: только и читаю, что очередное мое обращение спустили в минсельхоз или губернатору. Самый оригинальный ответ был от вице-премьера Дмитрия Рогозина, который, кстати, ответственен среди прочего и за одежду для армии. Тот вообще сообщил: мол, спасибо вам за патриотизм, но пишите в ДОСААФ. А от Дмитрия Медведева не дождался даже отписки.

- Кстати, сейчас для вас могло бы быть все по-другому. Жили бы в Австралии, куда вас так настойчиво переманивали, радовались бы успехам этой страны в животноводстве...

- В 1977 году ВНИИОК проводил на базе колхоза имени Ленина, где я работал, международный эксперимент. К нам приехали два австралийца, они около месяца стригли овец и классировали шерсть под международный стандарт. Мы с ними сдружились. Попасть в Австралию я смог только в 1986 году. Как оказалось, они все это время следили за моей деятельностью. И на правительственном уровне мне предложили остаться работать в этой стране. Но я ни минуты не медлил с ответом. Разве мог я предать родину! Я тогда знал, что нужен ей. Премьер-министр Австралии Роберт Хоук при встрече сказал тогдашнему руководителю Ставрополя Всеволоду Мураховскому: ваш Мороз – «крепкий орешек», не остался, а мы такие условия ему предлагали! На что Мураховский ответил очень лаконично: «Так он же Герой» (В. Мороз к тому времени был удостоен звания Героя Социалистического Труда – авт.).

Кто мог предугадать, что потом последует. А вот оказалось, что мои знания и

богатый практический опыт оказались не к стати, когда стал спорить с властью и говорить лишнее, отстаивая свое мнение. Забавно вспоминать время, когда меня решили освободить от должности директора ВНИИОК. На президиуме Российской академии сельскохозяйственных наук долго не могли обосновать причины моего увольнения. Потом нашли объяснение: мол, срок контракта истек, не обессудьте... При этом я и контракта никакого не подписывал. А буквально за несколько дней до этого меня с формулировкой «за хорошую работу» премировали пятью окладами.

- Раз уж столь много упоминаем о власти, хочу вспомнить о вашей работе на политической ниве. Вам удалось на собственном опыте узнать, что такое нынешний российский парламентаризм. Но вы не стали на этом поприще строить карьеру. Хотя при вашем упорстве, наверное, могли бы.

- Я попросту разочаровался. Меня избирал край, и я шел в Думу первого созыва, искренне желая что-то изменить и выполнить указы избирателей. Но получилась пустая трата времени. То, что происходило там, - это во многом лишь болтовня.

А я привык работать. Я всегда знал, с чем иду на планерку к председателю колхоза, и после него всегда понимал, что дальше нужно делать, видел конкретные задачи. А там - наоборот. Идешь на заседание с чем-то, а выходишь с пустой головой...

- Остались коммунистом?

- Нет. Я беспартийный.

- Тем не менее, вы носите орден Ленина. Знаю, эта награда для вас дороже всех остальных. Так?

- Орден я получил вместе со званием Героя Социалистического Труда. Награда на самом деле досталась нелегко. Я получил ее по указу Юрия Андропова 22 июня 1983 года. А при нем ведь очень строго к этому относились, проверяли каждую мелочь. И потому награда, о которой мне сообщили в два часа ночи, была действительно неожиданной. При этом я не скрываю, что меня шесть раз наказывали за упущения, когда занимал в колхозе руководящую должность. И думаю, это было правильно: раз недоглядел чего-то, должен ответить...

Хотя орден на улице сейчас не ношу, уж очень неоднозначно к нему относятся в нашей стране. Надеваю только на лекции к студентам. И знаете, их аплодисменты, которыми иногда заканчиваются наши встречи, тоже считаю большой наградой. Это многого стоит. Значит, задел за живое, и молодое поколение еще не все потеряно. Есть студенты, которые хотят стать специалистами и, возможно, попытаются возродить былую мощь животноводства. Потому, пока еще есть силы, я буду ходить к этим ребятам. Но не для того, чтобы срывать аплодисменты, а чтобы учить их.

- Помимо всевозможных наград, это еще один повод ощущать себя настоящей легендой. По крайней мере, такие ассоциации вызывает ваш постамент на аллее почетных граждан Ставропольского края. Как вы к этому отнеслись?

- Не могу сказать, что совсем безразлично. Я не бью себя в грудь по этому поводу, но как любому нормальному человеку, мне приятно, что здесь хотя бы помнят и знают о моих трудах. К тому же, я там среди многих достойных людей, которые никогда не прятались в тени, а хорошо делали свою работу.

- У вас потрясающая энергетика. Глядя на ваших ровесников, видишь, что у многих интерес к жизни угас. Что позволяет сохранять жизненный оптимизм, преодолевать апатию?

- Могу сказать, что никаких рецептов здесь нет. Просто не бывает такого, что я не знаю, куда себя деть. Я всегда чем-то занят. К примеру, продолжаю научную работу.

Очень поддерживают воспоминания о прошлом - о том, что не зря топтал землю и работал не жалея себя.

